

ТЕАТРУ
МУЗКОМЕДИИ
25 ЛЕТ

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

«Старый боцман Митрофан Иванович — человек неугомонный. Он трогательно влюблен в нелегкую профессию моряка, во все, что напоминает о море. Он обязательно ревниво поправит вас, если вы по сухопутной неосведомленности неверно назовете предметы морского обихода. Он смеется в его «дотошности», когда дело касается морской службы. Он чудак и задира. Но какая замечательная у него душа! Дядя Миша сразу же берет в плен своей неподдельной добротой, любовью к жизни, к людям».

Почему мне захотелось начать разговор об артисте Васильеве с его работы в спектакле «Сердце балтийца»? Да потому, что она представляется среди других подобных, наиболее ярко выражающей своеобразное творческое credo артиста.

Евгений Степанович Васильев живет в искусстве со своей четкой темой. Если бы потребовалось изобразить ее документально, видимо, я представила бы как доказательство фотографию артиста из спектакля «Сердце балтийца» в том моменте, когда его герой — старый боцман дядя Миша наблюдает за Павлом и Машей, счастливыми в своем еще не совсем осознанном чувстве друг к другу. В тот момент во взгляде артиста стариковская нежность, а за ней и нелегкая собственная жизнь простого человека, знающего цену настоящего счастья, в его взгляде человечность в самом высоком понимании этого слова.

Васильевский Митрофан Иванович — солдат довольно большой армии персонажей, во главе которой артист идет на театре в бой за прославление человека, маленького в своей скромности, но великого своею принадлежностью к народу, выросшему из его плоти, от его корня.

До такого обобщения поднялся артист в спектакле «Голубой гусар» в роли денщика Ивана. Необычность сюжетной ситуации — уход престарелого Ивана в армию, да еще с девицей, переодетой в мужское платье, трактовалась актером, как логическая необходимость характера. Его Иван действительно любит отчаянную девочку Шуру с преданностью няньки, но не это оказывается главным для Ивана — Васильева. Главное для него — патриотический долг перед Родиной, которая в опасности. И совершает Иван свой патриотический поступок без пользы, просто. Он поступает так, потому что не может иначе. Это его натура, его сугь. Артист убеждает нас в этом совершенно.

Какими средствами он добивается такой убедительности? В случае с актером Евгением Степановичем Васильевым это разъяснить и просто и очень трудно одновременно. Просто потому, что сие объясняется естественностью, достоверностью поведения артиста на сцене. Но сложность в том, что эту достоверность чрезвычайно трудно препарировать: она от дара, от природы, от точного чувства правды.

Добивается этой сценической правды Евгений Васильевич в жанре, имеющем большую долю условности, — в оперетте. Его старики выкидывают чисто опереточные фортели — артист не боится самых острых комедийных приемов. Но «трюкачит» он так легко и обаятельно, с такой абсолютной верой в происходящее, что сами трюки приобретают в его исполнении качество жизненной необходимости.

Уморителен в роли командира «бабьего батальона» его дед Ничипор из «Свадьбы в Малиновке». Много веселых минут доставляет он зрителям. Но вместе с комедийностью в роли живет жизненный серьез. Мы верим в реальность существования деда Ничипора и он без каких бы то ни было ярмолинейных мазков со стороны артиста вырастает в фигуру символическую — в самую «сермяжную правду». Он олицетворяет народ, нутром чувствующий «правильность» Советской власти. А все чудачества Ничипора — Васильева, его «шутейность», роднящие его с шолоховским Щукарем, тоже грань духа народного, его юмора и жизнелюбия.

Галерея васильевских «дедов из народа» велика. Они занимают значительную часть из более чем 130 ролей, сыгранных артистом. Здесь и мудрый прадед героини из оперетты «Моя Гюзель», и тоскующий по

родине дядюшка Крыжан, повар кабаре «Венгрия» из спектакля «Где-то на юге», служака-увтер Аникей Голубев из «Дочери фельдмаршала», дед Сашко из «Чудесного края», директор чайной с душой поэта Назар Филиппович из «Таежного соловья», трогательно влюбленный в оперу театральный гример Кораблев из «Белой акации» и т. д.

Не раз удивлялся несведущий зритель тому, что старика, казавшегося таким «всамделишным» играл молодой артист. Началось это давно.

Начинающему артисту Васильеву поручили роль старика в «Принцессе Ютге». Удивились тому, что получилось и... с тех пор пошло!...

Кое-кто может рассудить: не так уж интересно всю жизнь играть бытовые роли стариков, да еще в оперетте, где руку протяжи и дотронешься до блеска, изящества, молодости. А я думаю, что судьба подарила Евгению Степановичу Васильеву случай счастливый! Не будь его, мог бы не найги он своей темы в искусстве. Да и судьба ли здесь виновата? Скорее это не случайность, а закономерность — реализовались интересные специфические возможности артиста. У него есть своя тема — тема мудрой житейской простоты, которую постигают в старости, тема поэзии в самом прозаическом, тема поисков и утверждения человечности. И он несет эту тему, несет самобытность своей актерской индивидуальности в ролях самых разнообразных.

Васильев делает носителем своей темы традиционного комика из венской оперетты — Пенижека из «Марицы», лакея старой выжившей из ума барыни. Артист делает его носителем народного юмора, на поверку оказывающимся умнее господ.

Добрую человечность ловим мы во взгляде пьяницы Ларю в «Мадемуазели Нитуш» — фигуры в принципе очень гротесковой. И даже во взгляде отпетого пройдохи зрителя гарема Абдула Бенбея из оперетты «Цирк зажигает огни», которому в общем-то здорово досталось от сильных мира сего.

Драматическое в смешном часто ищет Васильев (вспомните хотя бы его Лесничего из «Летучей мыши»). Он часто приносит его в безыкий эпизодический материал. Трудно забыть его в крошечной ролике старого жонглера в «Сыне клоуна». От единственной сцены — каждодневной вечерней репетиции веяло какой-то элегической грустью; за ней читалась нелегкая трудовая жизнь и вместе с тем жизнь, прекрасная преданностью любимому искусству.

Васильев играл роли разные и многое, совершенно разнохарактерное удавалось ему. Он, привыкший смолу рисовать морщины, закрашивать зубы, надевать седые и лысые парики, играл и совсем молодых людей. Играл и роковых опереточных злодеев.

Ему отлично удавалось сатирически заостренные, гротесковые образы. Надолго запомнился его пристав из спектакля «Левша» с самозабвенно выпученными глазами, с гиперболизированным чувством собственной значимости. С очаровательным изяществом был сыгран Васильевым не в меру любопытный сосед господин Мишо из оперетты Оффенбаха «С первым апреля».

Иногда сатирические краски в работах Васильева приобретали резкую социальную заостренность, опереточный гротеск нес серьезную реалистическую тему. Таких ролей можно назвать много. Среди них бездельник Пронька в спектакле «Сто чертей и одна девушка», льстец и приживальщик Петушков из «Акулины», шпион и доносчик по призванию Филимон Шик из «Трембиты», и, конечно, одно из наиболее крупных достижений Евгения Васильева — роль камердинера и управляющего графа Кутайсова Елпидифора из оперетты Стрельникова «Холопка».

Но даже эта работа, которая по праву может итаться в ряд лучших актерских достижений Иркутского театра музкомедии, не может поколебать убежденности в том, что генеральная тема артиста Евгения Васильева — добро и человечность. Она заложена в его

самобытной актерской индивидуальности, она настойчиво о себе заявляет.

Евгений Васильев — наш земляк. Он родился в Иркутске, окончил Иркутскую первую среднюю школу им. Ленина, где сделал первые актерские шаги в драматическом кружке. Потом судьба чуть не связала его жизнь с геологией. Четыре года проработал он в поисковой партии на побережье Охотского моря. Был младшим, потом старшим коллектором, потом исполнял обязанности геолога. Как лучшего производственника его командировали учиться в Иркутский горный институт. И тут-то снова всколыхнулось рождение в детстве стремление к сцене, к театру.

Он просто пришел и попросил его «проверить». Его «проверяли» выдающийся мастер оперетты Григорий Гросс и дирижер Елизавета Чацкина. Проверили и... приняли!

С тех пор немного найдется спектаклей, поставленных за эти годы на сцене Иркутского театра музкомедии, в которых бы не был занят артист Васильев. Его жизнь на сцене — это почти вся история театра. А театр

этот — его родной дом, куда он пришел 20 лет назад без специального образования, с одним только горячим желанием стать актером. И он стал им. Нельзя сказать, что далось это Васильеву легко. Он начал с азора, работая актером «на выходах» и по совместительству — в хоре.

Актерская судьба Васильева — это пример самоотверженного служения искусству, пример упорной работы, когда лавры венчают далеко не сразу, когда путь к ним долог и труден.

Дни юбилея театра — дни итогов. Но как-то не хочется увлечься ими, говоря о творчестве Евгения Васильева, который может и должен еще многое сделать в искусстве.

Хочется пожелать театру, воспитавшему самобытного хорошего актера, творчески, интересно его использовать — Евгений Васильев стоит того. Тем более, что генеральная тема его творчества совпадает с генеральной линией поисков театра — она лежит в области советской, современной оперетты.

Н. ФЛОРОВА.

На снимках: Е. С. Васильев в ролях: боцман Митрофана Ивановича («Сердце балтийца»),

Ничипора («Свадьба в Малиновке»), Пенижека («Марица»). Фото А. Левинсона.